

Научная статья
УДК 82.31
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_105
EDN ZCCMKXS

**Философия судьбы
в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»**

Валерия Анатольевна Андреева¹✉, Илья Александрович Андреев²

¹Кандидат филологических наук, ассистент кафедры словесности, Новая школа, г. Москва.

²Магистр образования по направлению подготовки «Гуманитарные знания» онлайн-школа «Фоксфорд», г. Москва

¹seversnegg@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-7599-3794>

²sir.uchitel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5410-9560>

Аннотация. В данной статье рассматривается философская категория судьбы и вопрос о том, как Г. А. Печорин в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», играя с судьбой, оказывается её игрушкой и орудием. Сюжет романа и характер главного героя анализируются в рамках идеи о самопознании – одной из ключевых в философии романтизма. В работе проводятся параллели между образной системой произведения и философскими построениями Шеллинга. Кроме этого, поступки героя рассматриваются в контексте драмы «Каин» Д. Г. Байрона и романа «Мельмота скитальца» Ч. Р. Метьюрина. Авторы приходят к выводу, что стремление противоречить приводит главного героя к вовлечению во внешнюю интригу, которую Печорин обнаруживает «подсматривая» за судьбой. Главная задача героя романа – бегство от скуки, которая, в свою очередь, оказывается связана со старинным предсказанием гибели «от жены». Развитие сюжета приводит к тому, что Печорин каждый раз исполняет по отношению к окружающим «роль топора в руках судьбы». При этом он отчасти исполняет желания других героев, но берёт высокую плату за это. Итогом игры с судьбой оказывается внутреннее опустошение героя. В Персию он едет отчасти специально для того, чтобы никогда оттуда не вернуться. Смерть героя, для которого в романтическом духе оказалась неразрешимой проблема выхода к «не-я», даёт возможность автору преодолеть собственную отчуждённость от читателя. В статье демонстрируется, что особую роль в решении этой сверхзадачи играют дневники Печорина. Они оказываются сопоставимы с образом таинственного списка, определяющего судьбу всех героев.

© Андреева В. А., Андреев И. А., 2023

Ключевые слова: философия судьбы; Шеллинг; Лермонтов; герой; противоречие; орудие судьбы; дневник; скука; романтизм; самопознание; игра

Для цитирования: Андреева В. А., Андреев И. А. Философия судьбы в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 105-119. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_105. <https://elibrary.ru/ZCCMKKS>.

Original article

Philosophy of fate in M. Yu. Lermontov's novel a hero of our time

Valeria Anatolievna Andreeva¹✉, Илья Aleksandrovich Andreev²

¹Candidate of philological sciences, lecturer at the department of literature, New School, Moscow.

²Master of education in the field of “Humanitarian Knowledge”, online school “Foxford”, Moscow

¹seversnegg@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-7599-3794>

²sir.uchitel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5410-9560>

Abstract. This article examines the philosophical category of fate in M. Y. Lermontov's novel A Hero of Our Time and how G.A. Pechorin, playing with fate, ends up as its toy and tool. The plot of the novel and the protagonist's character are analyzed within the framework of the self-cognition idea, one of the key ideas in the philosophy of Romanticism. The authors draw parallels between the imagery of the novel and Schelling's philosophical constructions. In addition, the hero's actions are examined in terms of the drama Cain by G. G. Byron and the novel Melmoth the Wanderer by C. R. Maturin. The authors conclude that the desire to contradict leads the protagonist to the involvement in the external intrigue which Pechorin discovers by “spying” on his fate. The protagonist's main goal is to escape boredom, which, in turn, proves to be related to the ancient prediction of death “from his wife”. As the plot unfolds, Pechorin performs repeatedly “the role of the axe in the hands of fate” in relation to those around him. In doing so, he partially grants other characters' wishes, but charges a high fee for doing so. The result of such games with fate is the inner devastation of the hero. To some extent he goes to Persia with the intention of never coming back. The death of the hero, who was unable to solve the problem of reaching the “not-myself” in the spirit of Romanticism, enables the author to overcome his own detachment from the reader. The article demonstrates that Pechorin's diaries play a special role in solving this super-task. They can be compared to the mysterious list that determines the fate of all the characters.

Keywords: philosophy of fate; Schelling; Lermontov; hero; contradiction; instrument of fate; diary; boredom; romanticism; self-discovery; game

For citation: Andreeva V. A., Andreev I. A. Philosophy of fate in M. Yu. Lermontov's novel a hero of our time. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 1(15):105-119. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_105. <https://elibrary.ru/ZCCMK5>.

Введение

Утверждение о важности темы судьбы в романе «Герой нашего времени» давно уже стало общим местом. Так, Р. А. Гальцева ещё в «Лермонтовской энциклопедии» 1981 года прямо пишет: «Судьба – признанная сила в мире лермонтовских героев <...> Судьба у Лермонтова, фигурирующая также под именем “рока”, “жребия”, “фатума”, “закона”, по своей сути недоброжелательна к человеку. <...> По Лермонтову, существует нерасторжимая связь между незаурядной личностью и трагической участью. Герой принимает вызов судьбы или бросает ей вызов...» [Гальцева, 1981, с. 311].

При этом единства мнения учёных по вопросу о «фатализме» главного героя нет. Критики XIX века нередко видели в Печорине фаталиста с «его отчаянной, фаталистической смелостью при взятии взбесившегося казака». Современные исследователи более склонны к тому, что Печорин отвергает предопределение [Тойбин, 1959], потому что любит «сомневаться во всём» [Лермонтов, 2012, с. 162]. Ю. М. Лотман в значительной степени связывает вопрос о роли судьбы в романе с противопоставлением Восток-Запад, которое «нужно было Лермонтову не само

по себе – с помощью этого контраста он надеялся выявить сущность русской культуры» [Лотман, 1985, с. 10]. А. Б. Криницын проводит интересные параллели судьбы у Печорина и демонических героев европейской романтической литературы (Вампира, Мельмота, Жана Сбогара). Отметим, что очень важными для осмысления темы судьбы в «Герое нашего времени» оказываются работы, не сфокусированные исключительно на ней. Такую роль, например, играет статья Б. Эйхенбаума «Литературная позиция Лермонтова» [Эйхенбаум, 1941], которая раскрывает идейную подоплёку творческих поисков поэта в контексте, например, учения Шеллинга. Ряд исследователей представляют подчёркнуто религиозную оценку характера и поступков героя, который из-за гордыни «завершил свой путь духовной гибелью» [Дунаев, 2001]. Нередко действия героя рассматриваются в контексте идеи его «игры с судьбой». В. И. Тюпа связывает проблему судьбы Печорина с «драмой уединённого сознания» [Тюпа, 2001], для которого оказывается практически невозможен выход к «другому». В итоге мы не можем не согласиться с мыслью А. Б. Криницына о том, что в вопросе роли судьбы в романе Лермонтова «по-

ражает разнообразие и полярность интерпретаций, что само по себе красноречиво говорит о том, что проблема сложна, запутанна и далека от окончательного разрешения» [Креницын, 2015, с. 544].

В нашей статье мы рассмотрим вопрос о том, как герой, играя с судьбой, становится её орудием и приходит к внутреннему опустошению. Мы покажем также, что дневник Печорина связан с образом загадочного списка, о котором говорится в главе «Фаталист». Кроме этого, в настоящей статье развивается мысль о том, что судьба Печорина становится основанием для диалога писателя с читателем.

Результаты исследования

В предисловии к журналу Печорина М. Ю. Лермонтов писал: «История души человеческой едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа» [Лермонтов, 2012, с. 56]. Это утверждение, конечно, основано на романтической концепции личности, которая, в свою очередь, по-своему оживляла мысль Протагора «Человек есть мера всех вещей». Антропоцентризм романтизма связан во многом с интересом к человеку, замкнутому в себе. Так, по Фихте, личность «совершенно отвергает ... все существующие вне ее цели и последней целью считает себя ради себя же» [Фихте 1995, 2018, с. 30]. Житкова Л. Н. в идеях этого философа видит «рефлексивный тип печоринского мышления, замкнутого на самом себе, оберегающего себя от внеш-

них воздействий и зависимостей» [Житкова, 2018, с. 118]. Эта замкнутость отчасти идейно связана с демоническим началом, изображение которого мы видим во многих романтических произведениях, но с другой стороны – с потенциальной, но не реализуемой открытостью личности, её устремлением (нередко тайным) к Абсолюту. Наиболее последовательно из теоретиков романтизма учение о «Я» развивал Ф. В. И. Шеллинг. В книге «Система трансцендентальной философии» он рассматривает «Я» как собственный принцип новой науки, ставящей целью доказательство тождества «деятельности, которая порождает мир», то есть Божества и «волевого устремления» человека в «предустановленной гармонии» [Шеллинг, 1936, с. 23-24]. В этом смысле судьба Печорина интересна особой формой как раз тем, что по форме мы видим здесь движение героя по демоническому, замкнутому в себе и несущему всем страдания пути, но одновременно с этим, содержательно нам открывается человек страдающий, который прокладывает дорогу от автора к читателю и далее – к общей мечте об идеале.

Романтическая двойственность в характере Печорина показана автором сразу. Максим Максимыч, начиная рассказ о Бэле, называет Печорина «странным» и говорит о противоречиях в его поведении. Вспомним: «...в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут,

устанут – а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился» [Лермонтов 2012, с. 13]. Характер героя Максим Максимыч, конечно, объяснить не мог, сводил всё к чудачествам богатого человека, у которого много «дорогих вещиц». Свою странность осознавал и герой текста. Вот фрагмент из дневника: «У меня врожденная страсть противоречить; целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку» [Лермонтов, 2012, с. 77]. Важно, что рассмотренные выше слова Печорина относятся к насмешкам над Грушницким после известной сцены у колодца. На этом примере, в частности, мы видим, что привычное желание противоречить (смешанное в данном случае и с некоторой завистью) даёт толчок развитию сюжета. «Страсть» показывает Печорина человеком активным, но одновременно и ведомым. Романтическая раздвоенность превращает героя в игрока. Последующие события разворачиваются с роковой предопределённостью. Характерно, что чуть ранее в дневнике о Грушницком было пророчески написано: «Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать» [Лермонтов, 2012, с. 73]. Закончилось всё, как известно, гибелью бывшего юнкера. В своей страсти к противоречиям Печорин следует за судьбой,

играет с ней, делая ставкой свою жизнь, и становится её орудием.

В философском смысле противоречивость Печорина сопоставима с парадоксальным поиском покоя в буре, о котором говорит стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус». Любопытно, что подобные идеи мы увидим и у Шеллинга; «Противоборство (...) деятельностей берется (...) не в динамике своей, но в статическом виде. Происходит объединение противоположных направлений, но ведь такое объединение равносильно покою» [Шеллинг, 1936, с. 93]. Покой в буре противопоставляется беспокойству обыденности, а игра с судьбой в этом контексте – скуке, от которой герой бежит. Синтетическая статика противоборства, обозначенная Шеллингом, для Печорина оказывается одновременно и поиском фаустовского «прекрасного мгновения», и «упоением в бою», о котором заявляет Вальсингам в пушкинском «Пире во время чумы». Скука пугает Печорина как своего рода «картина бесконечного пространства, которое является бесконечным, не будучи «я», и которое являет как бы прекратившее свое бытие я – я без рефлексии» [Шеллинг, 1936, с. 70]. Чтобы уйти от этой опасности герой проявляет любопытство к развитию внешней событийной интриги живёт по принципу противоречия всему, что попадает в его поле зрения.

Важно, что для героя скука связана с женитьбой. В этом Печорин

следует, конечно, главному герою романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Если за последним хандра кралась «...как тень иль верная жена» [Пушкин 2012, с. 28], то для главного героя романа М. Ю. Лермонтова скука оказывается связана с образом «злой жены», смерть от которой была предсказана ему, когда он «был ещё ребёнком». Если Онегин отверг Татьяну и потом понял, как «наказан» за это, то Печорин проходит чередой столкновений с женскими образами, к которым притягивается судьбой и от которых отталкивается, защищая своё право быть вольным игроком. В итоге, конечно, он тоже принимает своё наказание, но речь об этом будет впереди.

Вовлечение в игру с судьбой начинается для героя (поддерживается и направляется потом) подсматриванием или подслушиванием. Вспомним, в «Тамани» Печорин следует за слепым, спускающимся к морю, в «Бэле» через Максима Максимыча он узнаёт о разговоре Казбича и Азамата, в «Княжне Мери» оказывается случайным свидетелем не только сцены у колодца, но потом и заговора, составляемого мстительным драгунским капитаном, в «Фаталисте» Печорин в разговоре с Вуличем вдруг видит «печать смерти на бледном лице его» [Лермонтов, 2012, с. 155]. Если же вернуться к началу, то уже предсказание старухи было своего рода заглядыванием за край, с той только разницей, что «другим» в этой си-

туации для героя становился он сам. Наблюдая за событиями чужой жизни, отвечая на них, герой становится их участником. В силу своего характера он не может не ответить на складывающуюся интригу. В этом смысле Печорин оказывается ведомым судьбой, которая, как сфинкс, задаёт ему загадки. В начале героя воодушевляет обозначающаяся игра. Так, в главе «Княжна Мери» мы читаем: «Завязка есть! – закричал я восхищению, – об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно судьба заботится о том, чтобы мне не было скучно» [Лермонтов, 2012, с. 81]. Но уже история с Вуличем, напротив, заставляет задуматься над вопросом о значении человеческих дел и т.д.

В мифологии подсматривание за жизнью богов нередко ведёт человека к гибели. Вспомним хотя бы Актеона, наблюдавшего за Артемидой. В этом контексте внутреннее опустошение героя и последующая его гибель оказываются неудивительными.

При этом подсматривание Печориным за жизнью других людей можно толковать и в гносеологическом смысле – сквозь призму идей Шеллинга о развитии самосознания. В этом синтезе, по мнению философа, «...полагаются уже и другие интеллигенции, в силу которых я созерцаю себя ограниченным в своем свободном действовании...» [Шеллинг, 1936, с. 75]. Иными словами, ограниченность «другими» становится предпосыл-

кой для саморазвития «я». Так же и Печорин, откликаясь на вызовы судьбы, отражая их, находит пищу для осмысления себя.

Отдельного рассмотрения заслуживает и определённое сходство героя-вуайериста с Каином Байрона. В одноимённой пьесе великого английского романтика будущий братоубийца отправляется вслед за Люцифером, чтобы увидеть иные миры, познакомиться с тайнами познания. Уже после этого убийство Авеля становится неизбежным, так как видения отравили душу героя, «смогли разбудить тёмное начало и в нём самом» [Жилина, 2015, с. 81] и жертву его из-за этого не принял Бог. Важно, что Каин следует за духом противоречия, в том числе потому, что не знает, почему должен страдать за проступок, совершённый не им. Он вопрошает:

*Зачем же благодать эта наказует
Меня за грех родителей?
[Байрон, 1974, 389]*

Близкие мысли мы находим и у М. Ю. Лермонтова в стихотворении «Дума»:

*Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их
умом...*
[Лермонтов, 1978, с. 460]

Печорин как типичный представитель поколения является живой иллюстрацией к упомянутому стихотворению. Если Каин, жаловавшийся на несправедливость наказания за грехи Адама и Евы, совершает свой собственный страшный

грех, то Печорин убивает Грушницкого и становится причиной гибели Бэлы.

Одиозность сравнения Печорина с Каином может быть уравновешена противоположной параллелью. Мотив подсматривания мы обнаружим у М. Ю. Лермонтова, в том числе в повести «Штос». Художник Лугин, который смотрел «на женщин как на природных своих врагов» имел в то же время «фантастическую любовь к воздушному идеалу» [Лермонтов, 2017, с. 16]. На новой квартире он стал играть в карты с загадочным немцем. Художник на мгновение обернулся, чтобы посмотреть «банк» противника, «но этого минутного взгляда было бы довольно, чтоб заставить его проиграть душу. То было чудное и божественное виденье: склонясь над его плечом, сияла женская головка; (...) как утренняя звезда на туманном востоке» [Лермонтов, 2017, с. 20]. Здесь подсматривание и следующий за ним постоянный проигрыш оказываются связаны с мечтой героя об идеале. Но и Печорин, даже когда он цинично говорил о разочаровании в любви «дикарки», в действительности, может быть, даже в тайне от себя, мечтал о высоких чувствах. Любопытно, что и Ундину из «Тамани» Печорин сравнивал с «гётевой Миньонной», которую главный герой романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» спас от злого хозяина (прямая аналогия со стремлением Лунгина

освободить прекрасное видение от власти хозяина-старика).

Печорин нужен судьбе как герой, который не распутывает, а разрушает узлы фальшивой обыденности, прикрытой возвышенным флёром. Вспомним, какие отношения складываются до перехвата инициативы Печориным. Княжне Мери Грушницкий, бывший романтический страдалец, уже готовится предъявлять свои права. Азамат с Казбичем ведут торг о коне и Бэле, таинственные контрабандисты из «Тамани» оказываются просто участниками перепродажи краденого.

Главный герой романа своими действиями взрывает пошлость изнутри, действуя внезапно, как «актёр из пятого акта». Печорин с сожалением называет себя «топором в руках судьбы» [Лермонтов, 2012, с. 134]. Важно, однако, что эта роль осуществляется героем вместе с частичной реализацией желаний окружающих: Азамат получает коня, потом становится абреком, как и хотел, видимо. Казбич получает Бэлу, хотя и ненадолго. Бэла, которая сама первая заявила о своих чувствах к Печорину на свадьбе сестры, смогла сблизиться с героем произведения. Даже одинокий Максим Максимыч на время как бы получает дочь, «и рад был, что нашел кого баловать» [Лермонтов, 2012, с. 33].

Конечно, осуществляются желания героев в трагической форме, сопрягаясь со смертями и своего рода насмешкой судьбы над страстями людей. За «исполнение же-

ланий» приходится дорого платить. В главе «Бэла» погибают героиня, её отец. Казбич и Азамат тоже сходят со сцены. В главе «Княжна Мери» разоблачённый Грушницкий заявляет Печорину: «...я себя презираю, а вас ненавижу!» [Лермонтов, 2012, с. 144]. Он становится наконец по-настоящему романтическим героем, но погибает страшной смертью. Как и Грушницкий, познала ненависть и княжна Мери – это была расплата за любовь «до безумия», о которой раньше она только читала. Драгунский капитан, желавший устроить дуэль и достигший своей цели, расплачивается потерей лица. Вера, добившаяся свидания с Печориным, его признаний в любви и даже победы над молодой соперницей, после дуэли оказалась вынуждена всё рассказать мужу и была опозорена.

В «Тамани» предложенная модель, на первый взгляд, не работает. Кажется, здесь нет какого-то исполнения желаний. Но отметим: Ундину Янко забирает с собой (вспомним, как слепой говорил о ней ранее: «Ни; была дочь, да утикла за море с татаринном» [Лермонтов, 2012, с. 58], а сам, видимо, перебирается в более спокойное место, освобождаясь от того, кому служил здесь. Разрушая привычный порядок жизни в «мирном кругу честных контрабандистов» [Лермонтов, 2012, с. 68], Печорин на самом деле помогает персонажам выбрать свой путь. Страдает за всех слепой мальчик. Он ничего не по-

лучает, кроме слёз и понимания того, что он никому не нужен. Это травестированное «прозрение» в каком-то смысле реализует пришедшую на память Печорину строку (примерная цитата из пророчеств Исаяи): «В тот день немые возопиют и слепые прозрят» [Лермонтов, 2012, с. 59]. Надо сказать, что данный персонаж весьма интересен. Он по-своему воплощает слепую судьбу, являясь отражением главного героя (игрока и обманщика). В образе слепца можно увидеть и зеркало для читателя, не способного рассмотреть в Печорине «портрет поколения».

Итак, мы видим, что Печорин не просто играл с судьбой, но и испытывал людей. В этом плане неудивительно, что В. Тюпа, рассматривая отношения Печорина и Вулича, видит в них «историю покупки души дьяволом» [Тюпа, 2001, с. 96]. А. Б. Креницын показал «символическое сходство» Печорина с Мельмотом Скитальцем. Герой Метьюрина заключил «некий договор с дьяволом, вследствие которого ощущает себя навеки проклятым» [Креницын, 2015, с. 554]. Печорин «тоже будто бы заключил некий договор с судьбой, вследствие чего и получает власть над людьми (но не моральную, а над их судьбой) и силу их испытывать, доводя до отчаяния и ставя на порог смерти» [Креницын, 2015, с. 554].

Среди ряда интересных наблюдений А. Б. Креницына о сходстве Печорина с Мельмотом. выделим одно

из самых, на наш взгляд, важных. Мельмот встретил на необитаемом острове индийскую принцессу Иммали – «дитя природы». Исследователь сравнивает её с Бэлой. Обе давали героям последний шанс вспомнить, что такое любовь, примирится с миром людей. В итоге героини гибнут, но до конца продолжают любить героя, благодаря которому они познали «сладость страдания» [Креницын, 2015, с. 556].

Печорин, к несчастью, не мог оценить любовь горской княжны. А ведь судьба в каком-то смысле давала ему шанс выйти за рамки игры. Герой же понял лишь, что «любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни». По сути, он просто фиксирует, что не понимает ценности любви как таковой. «Женщины любят только тех, которых не знают» [Лермонтов, 2012, с. 86], – говорит Печорин. При этом Вера ему дорога была тем, что понимала его. Но ждать её, строить какие-то планы на будущее, брать на себя ответственность – всё это было невозможно для главного героя романа. Печорин говорит, что ошибся, когда решил, что Бэла – ангел, посланный ему «сострадательной судьбою». Но ангела, конечно, не нужно было красть. Если бы он просто остался благодарен героине за комплимент, сделанный на свадьбе, отнёсся к ней как к идеальному образу, его внутренние раны постепенно исцелились бы.

Мы рассмотрели, как Печорин, становясь орудием судьбы, разру-

бая узлы сложных отношений, частично реализует желания других героев, но заставляет их платить за страсти. Чем же он расплачивается в итоге сам за временную возможность жить без скуки? Этому во многом посвящена глава «Максим Максимыч». Именно здесь он лично появляется перед рассказчиком. Вспомним некоторые детали портрета Печорина: «Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки» [Лермонтов, 2012, с. 50]. У Печорина здесь как бы нет позвоночника. Речь, конечно, в большей степени об утрате внутреннего стержня, понимания смысла и назначения жизни. Смещение детских, мужских и женских черт в портрете тоже говорит о внутреннем разладе человека, разделённого внутри себя. Эта раздробленность связана с отказом героя от настоящей встречи с другим человеком. Если в главе «Бэла» герой не принял от судьбы дар любви, то в «Максими Максимыче» он отказывается и от дружбы. Вспомним, в главе «Княжна Мери» герой размышлял о невозможности её: «из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается» [Лермонтов, 2012, с. 79]. И вот перед отправлением в Персию герой как бы получает от судьбы последний шанс всё изменить. Достаточно ему принять приглашение старого штабс-капитана на ужин и, кто знает, может быть, не было бы ни

дальней дороги, ни смерти героя в пути. Может быть, он смог бы по-новому взглянуть на себя и начать всё заново. Максим Максимыч – единственный из всех встреченных им людей, кто по-доброму, «без чинов» и даже по-отечески к нему отнёсся. Штабс-капитан бросил свои служебные дела ради встречи с героем, и от Печорина требовалось одно – принять готовность его к дружбе. Однако главный герой не смог, не захотел отказаться от своей замкнутости. Он был холоден со старым товарищем из-за того, что не хотел рассказывать о себе. Видимо, Печорин и предполагал уехать, чтобы где-то умереть. Совершенно по-разному для героев звучит вопрос Максима Максимыча: «А Бэла?». Штабс-капитан думает так оживить общие воспоминания, но Печорина этот вопрос настигает как укор, брошенный судьбой на прощание, как подтверждение бессмысленности, порочности его собственного существования. Печорин принуждён зевает в ответ, чтобы скрыть свои переживания. Кстати, по этой сцене мы видим, что скука, мучающая героя и становящаяся его маской, напрямую связана с невозможностью раскрыться другому человеку.

Наиболее отчётливо вопрос о судьбе ставится писателем, конечно, в главе «Фаталист». Подробно эту часть романа разбирали В. Ш. Кривонос, А. Б. Криницын, В. И. Тюпа и другие исследователи. Учёные рассматривают особенно

сти образа Вулича, строят предположения о том, поверил ли Печорин в предопределение и т. д. Нас, однако, будет интересовать иной аспект: нельзя ли соотнести судьбу человека, «записанную на небесах», «список, на котором назначен час нашей смерти» [Лермонтов, 2012, с. 153] и дневники Печорина? Мы уже обращали внимание на то, что в своих заметках Печорин порой предугадывает, что случится дальше. Кроме этого, с философской стороны жизненный путь человека складывается в диалоге, с одной стороны, предопределения, с другой – чувств, рассудка, воли человека. Дневник Печорина показывает нам, что человек является как бы соавтором своей жизни. Он пишет о себе, познаёт себя, делает выбор, но проявляет при этом то, что было ему предназначено. Мы вернёмся к рассмотрению значения дневников в контексте судьбы как суда над героем в конце статьи. Пока же снова обратим внимание на двойственность героя, как она проявляется в «Фаталисте». В. И. Тюпа пишет о том, что герой провоцирует Вулича на выстрел, а потом на преждевременное прощание с офицерами и встречу с казаком-убийцей [Тюпа, 2001, с. 96]. Демонический характер этих манипуляций компенсируется потом тем, что, поставив на карту свою жизнь, герой помог схватить убийцу. Тем самым, как минимум, он спас казаков, которые должны были обезвредить Ефимыча. Любопытно, что сам казак-

убийца отвечает на призыв сдаться: «Не покорюсь!» [Лермонтов, 2012, с. 161] и в этом похож на Печорина, который стал причиной гибели Бэлы, но не признал себя виноватым. Благодаря главному герою, Ефимыча ждёт суд, который может обернуться каторгой или смертным приговором. В последней главе Печорин готовит и себя к суду – суду читателя. Встреча Вулича со своим убийцей похожа на то, как Печорин включается во внешние сюжеты. Здесь сталкивается любопытство с желанием противоречить, отвечать нападением. Важно, что обе реакции характерны для главного героя. Вулич без видимой причины спрашивает пьяного казака о том, кого тот ищет, а в ответ слышит: «Тебя!» [Лермонтов, 2012, с. 160]. Таким образом, судьба Печорина замыкается на саму себя, и глава оказывается последней.

Заключение

Вопрос о судьбе главного Печорина, конечно, невозможно рассматривать без подведения итогов его жизни и возвращения к замыслу всего произведения. М. Ю. Лермонтов в предисловии к роману, размышляя о герое, пишет: «...это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения». Здесь же мы видим, как автор опровергает мысль о том, что «...сочинитель нарисовал свой портрет...» [Лермонтов, 2012, с. 5]. Но если писатель относит себя к своему поколению, тогда почему Печорин как

будто не связан с ним самим? Предположим, что Лермонтов намеренно сгущает краски, чтобы путь к пониманию характера героя, его судьбы не был прямолинейным. На наш взгляд, суд над Печориным в итоге не вынесет обвинительный приговор.

Дневники Печорина раскрывают порой почти inferнальный характер внутренних ощущений героя, которые при этом могут трансформироваться в собственную противоположность. Вспомним запись от 3 июня в главе «Княжна Мери»: «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распутившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет!» [Лермонтов, 2012, с. 105]. Завершается же развитие мысли в ином ключе. Печорин пишет о покое и величии души: «Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие» [Лермонтов, 2012, с. 106]. Возможность естественного перехода от одного к другому объясняется, на наш взгляд, идеями Шеллинга, высказанными в «Философских исследованиях о сущности человеческой свободы»: «диалектическое утверждение: добро и зло – одно и то же, лишь рассматриваемое с разных сторон, или еще: зло в себе, т. е. рассматриваемое в своей тождественности, есть добро, как и

наоборот, добро, рассматриваемое в своей раздвоенности и нетождественности, есть зло» [Шеллинг, 1989, с. 102].

Если посмотреть с этой стороны на героя, то оказывается, что он, возможно, заслуживает прощения. Вспомним, Максим Максимыч оправдывает воровство у горцев: «...эти черкесы известный воровской народ: что плохо лежит, не могут не стянуть; другое и ненужно, а все украдет... уж в этом прошу их извинить!» [Лермонтов, 2012, с. 41] Рассказчик, наблюдавший за встречей Печорина и Максима Максимовича, тоже не стремится обвинить главного героя в чёрствости, хотя и понимает старого штабс-капитана. Да, Печорин «в рассеянности или от другой причины» лишь протянул руку, но сделал это не со зла. Несмотря на свой романтический эгоизм и даже несмотря на смерти, которые происходят на протяжении романа, Печорин никогда настоящему не планировал причинить кому-то зло. И если он не смог принять любовь и дружбу в том виде, как они приходили к нему, то, возможно, именно потому, что не признавал их иначе, как в идеальном виде. В этом была его трагедия, отсюда происходит надломленность характера. Внутреннее опустошение стало следствием игры с судьбой. В то же время важно, что смерть героя, который не смог найти дорогу к «другому» (НЕ Я), на самом деле оказывается возможностью для самого писателя выйти

на диалог с читателем. В этом и состоит смысл отказа автора признать в том, что образ Печорина – это только автопортрет. Это именно общий портрет, в котором писатель объединяется с читателем в своём мучительном, связанном с тяжёлыми и неизбежными ошибками поиске истины и той самой «волшебной сказки», о которой как бы вскользь говорится в предисловии.

Библиографический список

1. Байрон Дж. Г. Каин (мистерия) / пер. И. Бунина // Байрон Дж. Г. Сочинения : в 3 т. Т. 2. Москва : Художественная литература, 1974. С. 248-467.
2. Белинский В. Г. «Герой нашего времени». Соч. М. Лермонтова // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. Москва : Художественная литература, 1954. С. 261.
3. Гальцева Р. А. Мотив судьбы // Лермонтовская энциклопедия. Москва : Советская энциклопедия, 1981. С. 311-312.
4. Дунаев М. М. Православие и русская литература : в 6 т. Т.1 / Моск. духов. акад. 2-е изд., испр., доп. Москва : Христиан. лит., 2001-2004. 735 с.
5. Жилина Н. П. Мотив соблазна в мистерии Дж. Г. Байрона «Каин» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 8. С. 77-82.
6. Житкова Л. Н. Философская парадигматика романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Дергачевские чтения – 2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики : материалы XIII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). Екатеринбург : УрО РАН, 2019. С. 116-121.
7. Криницын А. Б. О романтическом контексте темы судьбы в романе «Герой нашего времени»: Лермонтов и Метьюрин // Мир Лермонтова : коллективная монография / под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. Санкт-Петербург : Скрипториум, 2015. С. 544-560.
8. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Стихотворения. Харьков : Фолио, 2012. 382 с.
9. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений : в 4 т. Т 1. Стихотворения 1828-1841. Ленинград : Наука, 1978. 655 с.
10. Лермонтов М. Ю. Штосс: Повесть с продолжением / М. Ю. Лермонтов, И. С. Лукаш ; Прим. А. Шермана. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. 52 с.
11. Лотман Ю. М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Ленинград : Наука, 1985. С. 5-22.
12. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Драмы. Поэмы / послесловие и примеч. Т. В. Надозирной. Харьков : Фолио, 2012. 430 с.
13. Тойбин И. М. К проблематике новеллы Лермонтова «Фаталист» // Ученые записки Курского педагогического университета. Гуманитарный цикл. 1959. Вып. 9. С. 44-46.
14. Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). Москва : Лабиринт, 2001. 192 с.

15. Фихте И.Г. Назначение человека // Человек. Мыслители про шлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век : [сб.]. Москва : Республика, 1995. С. 28–32

16. Шеллинг Ф. В. И. Система трансцендентального идеализма / Ф. В. И. Шеллинг ; пер. и комментарии И. Я. Колубовского ; ред. и вступ. статья П. Л. Кучерова. Ленинград : Соцэкгиз, 1936. 455 с.

17. Шеллинг Ф. В. И. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Сочинения в 2-х т. Том 2. Москва : Мысль, 1989. С. 86-158.

18. Эйхенбаум Б. М. Литературная позиция Лермонтова // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Москва : Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I. С. 3-82.

Reference list

1. Bajron Dzh. G. Kain (misterija) = Cain (mystery) / per. I. Bunina // Baj-ron Dzh. G. Sochinenija : v 3 t. T. 2. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1974. S. 248-467.

2. Belinskij V. G. «Geroj nashego vremeni». Soch. M. Lermontova = “A Hero of Our Time”. Written by M. Lermontov // Belinskij V. G. Polnoe sobranie sochine-nij: V 13 t. T. 4. Moskva : , 1954. S. 261.

3. Gal'ceva R. A. Motiv sud'by = The motive of fate // Lermontovskaja jenciklopedija. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1981. S. 311-312.

4. Dunaev M. M. Pravoslavie i russkaja literatura = Orthodoxy and Russian literature : v 6t. T.1 / Mosk. duhov. akad. 2-e izd., ispr., dop. Moskva : Hri-stian. lit., 2001-2004. 735 s.

5. Zhilina N.P. Motiv soblazna v misterii Dzh. G. Bajrona «Kain» = The temptation motif in G. G. Byron's mystery “Cain” // Vestnik Baltijskogo federal'-nogo universiteta im. I. Kanta. 2015. Vyp. 8. S. 77-82.

6. Zhitkova L. N. Filosofskaja paradigmatika romana M. Ju. Lermontova «Geroj nashego vremeni» = Philosophical paradigmatics of M. Yu. Lermontov's novel “A Hero of Our Time” // Dergachevskie chtenija — 2018. Literatura regionov v svete geo- i jetnopojetiki : materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Ekaterinburg, 18–19 oktjabrja 2018 g.). Ekaterinburg : UrO RAN, 2019. S. 116-121.

7. Krinicyн A. B. O romanticheskom kontekste temy sud'by v romane «Ge-roj nashego vremeni»: Lermontov i Met'jurin = On the romantic context of the destiny theme in the novel “A Hero of Our Time”: Lermontov and Meturin // Mir Lermontova. Kollektivnaja monografija / pod red. M. N. Virolajnen i A. A. Karpova. Sankt-Peterburg : Skriptorium, 2015. S. 544-560.

8. Lermontov, M. Ju. Geroj nashego vremeni. Stihotvorenija. = A Hero of Our Time. Poems. Har'kov : Folio, 2012. 382s.

9. Lermontov M. Ju. Polnoe sobranie sochinenij. V 4 t. T 1. Stihotvore-nija 1828-1841.= Complete works. In 4 vols. Vol. 1. Poems 1828-1841. Leningrad : Nauka, 1978. 655 s.

10. Lermontov M. Ju. Shtoss: Povest' s prodolzheniem = Stoss: A novelette continued / M. Ju/ Lermontov, I. S. Lukash ; Prim. A. Shermana. B. m.: Salamandra P.V.V., 2017. 52 s.

11. Lotman Ju. M. Problema Vostoka i Zapada v tvorčestve pozdnego Lermontova = The East and West in Lermontov's later work // Lermontovskij sbor-nik. Leningrad : Nauka, 1985. S. 5-22.
12. Pushkin A. S. Evgenij Onegin. Dramy. Pojemy = Eugene Onegin. Dramas. Poems / posleslovie i primech. T. V. Nadozirnoj. Har'kov : Folio, 2012. 430 s
13. Tojbin I. M. K problematike novelly Lermontova «Fatalist» = On problematics of Lermontov's novelette "The Fatalist" // Uchenye zapiski Kurskogo pedagogičeskogo universiteta. Gumanitarnyj cikl. Kursk, 1959. Vyp. 9. S. 44-46.
14. Tjupa V. I. Analitika hudožestvennogo (vvedenie v literaturovedčeskij analiz). = Analytical fiction (introduction to literary analysis). Moskva : Labi-rint, 2001. 192 s.
15. Shelling, F. V. I. Sistema transcendental'nogo idealizma = The system of transcendental idealism / F. V. I. Shelling ; Per. i kommentarii I. Ja. Kolubovskogo ; red. i vstup. stat'ja P. L. Kucherova. Leningrad : Socjkgiz, 1936. 455 s.
16. Fihte I.G. Naznachenie čeloveka = Appointment of a person // Čelovek. Mysliteli pro shlogo i nastojashhego o ego zhizni, smerti i bessmertii. XIX vek : [sb.]. Moskva : Respublika, 1995. S. 28-32
17. Shelling F. V. I. Filosofskie issledovanija o sushhnosti čeloveče-skoj svobody i svjazannyh s nej predmetah = Philosophical research into the essence of human freedom and related subjects // Sočinenija v 2-h t. Tom 2. Moskva : Mysl', 1989, S. 86-158.
18. Jejhenbaum B. M. Literaturnaja pozicija Lermontova = Lermontov's literary viewpoint // M. Ju. Lermontov / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1941. Kn. I. S. 3-82.

Статья поступила в редакцию 08.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted on 08.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication on 28.02.2023